

шевском в США⁴⁾ и даже в западной Германии, являющихся бесплодными попытками умалить величие русского философа-материалиста.

Точно также осуждены на провал судорожные стремления предателей народа, отщепенцев из южно-славянских стран умалить значение С. Марковича, в котором народы Югославии видят своего прямого предшественника. И совершенно прав президент Болгарской Академии наук и крупный специалист в области марксистско-ленинской эстетики Тодор Павлов, который писал о Светозаре Марковиче:

"Он был и остается честью и славой не только сербского народа, но и всех балканских народов, всего прогрессивного человечества"²⁾

Деятельность Чернышевского и его балканских учеников, последователей и продолжателей, в особенности, великого сербского революционера и мыслителя Светозара Марковича, — яркое свидетельство огромного значения того вклада, который внесли сыны славянства в мировую сокровищницу общечеловеческой культуры и опыта борьбы за счастье человечества.

C. 69-108

Е. С. БЕЛАШОВА

РОБЕРТ БЕРНС В ПЕРЕВОДАХ С. МАРШАКА

Буржуазные литературные критики всячески стараются очернить великого шотландского поэта Роберта Бернса, признать его талант. Они объявляют Бернса непонятным англичанам поэтом, имеющим лишь узко ограниченное, "региональное" значение. Они говорят, что его стихи живут подлинной жизнью лишь в Южной Шотландии. Пытаясь помешать популяризации народной поэзии Бернса среди других наций, английские и американские буржуазные исследователи твердят о "непереводимости" стихов шотландского поэта. Так, американский критик Нойес утверждает, что произведения многих поэтов, и в частности Роберта Бернса, невозможно перевести на другие языки.

В России также существовало подобное мнение в отношении стихов Бернса. Еще в 1862 г. В. Костомаров писал в предисловии к сборнику "Поэты всех времен и народов":

"Кто когда-нибудь пробовал переводить Бернса, тот вероятно согласится с нами, что буквально точного, и вместе с тем вполне безукоризненного по форме перевода, сделать решительно невозможно"¹⁾.

Даже в советском литературоведении еще в 30-х годах можно было встретить подобные же суждения о невозможности полноценных переводов из Бернса:

"Разумеется, не может быть и речи о точной передаче в переводе бернсовского размера, ритма и сохранении в то же время смысла во всей его точности", — пишет С. Бабух²⁾.

Эти утверждения объясняются отчасти тем, что переводить Бернса значительно труднее, чем каких-либо других поэтов. Непринужденность, задушевность песенных размеров, смелое обращение с рифмой, богатство ассонансов и свое-

¹⁾ В. Костомаров и Берг, Поэты всех времен и народов, М., 1862 стр. 50.

²⁾ С. Бабух, Предисловие к кн. "Роберт Бернс". Избранная лирика. Перевод с англ. Т. Л. Щепкиной-Куперник, М., ГИХЛ, 1936, стр. 17.

¹⁾ См. об этом в книге — В. Г. Баскаков, Мировоззрение Чернышевского, изд. АН СССР, М., 1956, стр. 717, 733—734, 744—745, где упоминаются работы Ричарда Хейра, Д. Гехта, М. Лазерсона, Ф. Бархорна и др. Б. Полевой упоминает о сыне дореволюционных эмигрантов из России Кучерове, который, окончив Колумбийский университет, защитил диссертацию, посвященную эстетическим взглядам Чернышевского ("Американские дневники", М., 1957, с. 168).

²⁾ Цит. по кн. Л. Ериконова, стр. 166.

образе ритмики, — все это создает сложности при переводе Бернса на другие языки.

Однако, несмотря на эти трудности, утверждения о „непереводимости“ его произведений лишены оснований. Созданная буржуазными лингвистами идеалистическая „теория непереводимости“ основана на реакционном утверждении о непознаваемости национального духа. Непереводимых поэтов в природе не существует.

В России Роберта Бернса начали переводить давно. Первые русские переводы его произведений стали появляться еще в начале XIX в. Многие переводы русских поэтов представляют многочисленные и убедительные доказательства возможности передать индивидуальное своеобразие стихов великого шотландского поэта.

Широко известны замечательные переводы из Бернса поэта-революционера М. Л. Михайлова, удачно передающие и содержание, и стиль бернсовских произведений, их простоту, их народный „дух“. Бернская жизньрадостность и горячая независимость звучит и в переводах горячего последователя Чернышевского В. Курочкина, которые хотя и не столь близки к подлиннику, но все же воссоздают всю свежесть и своеобразие поэзии шотландского народного поэта.

Народный юмор, простота тона, непосредственность, искренность чувства, характерные для веселых народных песенок Бернса, удачно отражены в переводах Л. Андрусона.

Однако, нужно отметить, что огромное большинство переводов из Бернса на протяжении многих десятилетий искажали его творческий облик.

Дореволюционные переводчики чаще всего представляли народного поэта сентименталистом, идиллическим певцом сельского быта, забывая или не упоминая о многих его произведениях, насыщенных социальной тематикой, пафосом борьбы и протеста. Они уничтожали простоту народного поэтического шотландского поэта, заменяя ее поверхностной поэтичностью дешевых романсов. Вместо жизнерадостности и оптимизма бернсовских произведений в переводах насаждалась сентиментальная грусть и слащавость (О. Чюмина, А. Федоров, Н. Нович). Некоторые переводчики открыто фальсифицировали остро критические произведения Бернса, изменяя их идейную направленность согласно своим интересам (В. Костомаров). Следует при этом отметить, что требования к переводу в ту пору были совершенно ины, чем сейчас, и значительно ниже. Своевременное той литературной эпохе (80-е годы) пренебрежение к стилю, к фонетике, к ритмике переводимых поэтов, не могло не отразиться на качестве переводов из Бернса. В общем эти переводы были несколько не хуже других и, несомненно,

сыграли свою положительную роль в деле ознакомления русских читателей с поэзией Бернса.

Советский художественный перевод сумел преодолеть противоречия, издавна существующие между сторонниками „вольного“ перевода и буквалистами. Он объединил крайности этих двух переводческих принципов. Он требует верной и наиболее точной передачи индивидуальности национальных особенностей автора, но в то же время не признает преклонения перед буквой оригинала.

Славные традиции русской переводческой школы, получившие горячее одобрение Белинского, Н. Чернышевского и Н. Добролюбова, нашли широкое распространение в теории и практике советского художественного перевода.

Перевод есть форма идейного и художественного отражения оригинала. В нем непременно проявляется определенная идеология.

Принцип идейности играет решающую роль при выборе произведений и автора, при выборе языковых средств, необходимых для истолкования переводимого текста. Не случайно советских переводчиков привлекало творчество Роберта Бернса, подлинно народного поэта. Его поэзия наша достойное признание в Советском Союзе. Советское литературоведение опровергло клевету буржуазной критики и дало верный анализ творчества Бернса. Появляются и новые переводы его произведений, раскрывающие подлинный облик народного поэта (Э. Багрицкого, А. Глобы, Т. Л. Щепкиной-Куперник).

Особый интерес к поэзии Бернса вызвали замечательные переводы С. Я. Маршака. Существует мнение, что переводчик имеет право и должен переводить только те вещи, которые ему внутренне близки, только тех авторов, с которыми он чувствует родство. Что эта мысль верна, подтверждают переводы С. Маршака из Бернса. Именно потому, что поэзия народного поэта Шотландии оказалась близка Маршаку как художнику, он сумел передать не только музыку бернсовских стихов, но и душу его поэзии.

Переводы Маршака из Бернса пользуются большой популярностью не только среди советских читателей. Их знают и ценят в Англии и на родине Бернса. На них опираются переводовые круги английской общности в своей борьбе с реакционной критикой, которая всячески опутывает шотландского поэта клеветой и пытается развенчать его, объявить второстепенным поэтом. Как справедливо отмечает в своей статье А. Лейтес:

„Переводы С. Маршака не только открыли Роберта Бернса для наших читателей, они помогают самим англичанам глубже осознать и решить-

нее отстаивать лучшие образцы классического наследия".¹⁾

Не случайно этими переводами гордятся демократические круги Шотландии. Когда в 1955 г. С. Я. Маршак вместе с советской делегацией прибыл в Шотландию на Бернский фестиваль, он стал "героем фестиваля", как рассказывает член английского парламента шотландец Эмриз Хьюз.

В 52 номере "Огонька" за 1955 г. напечатаны два письма из Англии отнюдь не иллюстраций к переводам Маршака из Бернса. В одном из этих писем Дж. Мартин Вейр говорит о высоком качестве и правдивости переводов С. Маршака:

"Про перевод я ничего не имею сказать. Господин Маршак, по-моему, хорошо переводит все, что можно перевести с одного языка на другой, одновременно сохраняя простой стиль амбианс и определенный ритм поэзии Бернса. За это шотландцы должны быть благодарны ему".²⁾

На первый взгляд кажется, что Маршак допускает большие вольности в обращении с оригиналом. Его переводы лишены буквальной близости к подлиннику, но они отличаются исключительной художественной, поэтической верностью. Они близки к подлиннику не отдельными словами, а своей красотой, своим стилем, движением стиха. Переводчик творчески воспроизводит текст оригинала. И это единственно верный метод художественного перевода. Только там, где верность подлиннику соединяется с духом творчества и следование за буквой не стесняет творческую свободу художника, не превращает его в пленника чужого языка, только там перевод обретает прелесть оригинального произведения.

Маршак открывает русскому читателю разные стороны многогранного таланта Роберта Бернса. Шире всего представлены в его переводах песни шотландского поэта. Это и естественно, — ведь народные песни составляют основу бернского творчества. Их веселый мир, задумчивость и теплоту интонаций отражает Маршак в своих переводах.

Особую трудность при переводе лирических песен Бернса представляет сочетание естественности и непосредственности повседневной разговорной речи с музыкальной мелодичностью.

Немногим переводчикам удалось передать саму сущность и народный песенный склад произведений Бернса, их

¹⁾ А. Лейтес, Художественный перевод как явление родной литературы. В кн. "Вопросы художественного перевода", М., 1955, стр. 106.

²⁾ Два письма из Англии, ж. "Огонек", № 52, стр. 32.

эмоциональность, простоту, в общем сохранить их цельность.

Нередко дореволюционные переводчики занимались "исправлением" народных песен поэта. Они выбрасывали из подлинника народные выражения, считая их грубыми, непригодными для поэзии, красочные оригинальные образы Бернса заменялись истертыми поэтическими шаблонами. "Украшая" таким образом стихи народного поэта, эти переводчики уничтожали в них дух реализма, превращали их в сентиментальные романсы.

Заслуга Маршака в том, что он дал подлинно лирическое, поэтическое истолкование песен шотландского поэта. Он бережно сохранил присущую им простоту и красочность народного языка, прямоту, непосредственность тона.

Особое внимание обратил переводчик на передачу звучания, мелодии бернсовских песен. Ведь именно она придает песне своеобразную окраску.

Возьмем к примеру песню "My Luve's Like a Red, Red Rose" ("Любовь"), которая до Маршака была известна русскому читателю в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник.

В основу этого стихотворения положена народная песня, которую будто сложил воин, отправляющийся в поход. Многочисленные и разнообразные повторения определяют ее музыкальное движение.

Допуская "вольности" при передаче контекста, Маршак не нарушает смысловой общности с подлинником, сохраняет свежесть поэтических образов Бернса, удачно пересоздает бодрый напев песни.

1 строфа

1. O, my luve's like a red, red rose Любовь, как роза, роза красная,
2. That's newly sprung in June, Цветет в моем саду.
3. O, my luve's like the melody Любовь моя — как песенка,
4. That's sweetly played in tune. С которой в путь иду.

Как видим поэтическая английская строфа соответствует русской. Не потеряны бернсовские сравнения [1,3]. Маршак воспроизводит и повторения, характеризующие строфу. Правда, в I строке Бернс повторяет эпитет "red", переводчик же ставит в повтор существительное — "роза". Такая перестановка диктуется стремлением точнее отразить ритмический рисунок, звучание стиха. Ведь повторение в русской строке прилагательного "красная" которое значительно длиннее английского "red", несомненно, нарушило бы особенности стиха, что и случилось в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник. Соблюдая буквальную близость к подлиннику,

переводчица игнорировала одно из основных звеньев песни — ее музыкальный ритм.¹⁾

Наблюдается некоторое отклонение в построении 2—4 строк. Но перевод хорошо отражает поэтическое содержание английских строк, что совершенно невозможно было бы при дословном переводе.²⁾

Особенность второй строфы составляют красочные сравнения. Они переданы Маршаком во всем своеобразии.

II строфа

5. As fair art thou, my bonnie lass,
6. So deep in love am I;
7. And I will love thee still, my dear,
8. Till a' the seas gang dry.
Сильнее красоты твоей
Моя любовь одна,
Она с тобой, пока моря
Не высохнут до дна.

Содержание строфы нашло полное отражение в русских стихах. Контекст умело сжат. Мысль не потеряла от этого своей ясности, убедительности. Маршак опускает обращение — "my bonnie lass" — моя милая девушка (5) и "my dear" моя дорогая (7), что однако не нарушает интимности тона.

Смысловая нагрузка 7 английской строки полностью вместила в краткой русской фразе — "Она с тобой".³⁾ Это позволило полностью воссоздать богатое сравнение 8 строки, не скомкав его. Исключительно верно передана интонация подлинника. Просто, незамысловато выражает Маршак глубокие чувства. Стихи его звучат так искренно и задумчиво, как и бернсовские, чего вовсе нельзя сказать о переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник, высокопарные восклицания которой создают лишь условную, поверхностную поэтичность.⁴⁾

В следующей строфе Бернс подхватывает последний стих. Эта деталь, характерная для народной песни, точно отражена в переводе. Маршак тоже как бы подхватывает оброненный мотив, повторяя последнюю строку предыдущей строфы.

1) Ср. перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник:

Любовь моя, — алая, алая роза.

В июньский расцветшая зной,

Любовь моя — нежная, нежная песня,

Мелодии звук неземной.

(Роберт Бернс, Избранная лирика, ГИХЛ, М. 1936, стр. 21).

2) Ср. подстрочник:

2. Которая расцветала в июне, и которая нежно звучит.

(подстрочник вслоу мой)

3) Ср. подстрочник:

И я буду любить тебя до тех пор, дорогая...

4) Ср. перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник:

"О, как ты прекрасна!.. Как страстно люблю я!

Живу я, любовью горя."

(Роберт Бернс, Избранная лирика, ГИХЛ, М. 1936, стр. 21).

III строфа

9. Till a' the seas gang dry, my dear,
10. And the rocks melt wi' the sun;
11. I will love thee still, my dear
12. While the sands o' life shall run.
Не высохнут моря, мой друг,
Не рушится гранит.
Не остановится песок,
А он, как жизнь, бежит.

В переводе, как у Бернса, строка повторяется с некоторой вариацией: вводится обращение "my dear" (моя дорогая), которое Маршак заменяет синонимичным "мой друг". 11 английская строка точно воспроизводит 7. Этот второй повтор Маршак теряет, стараясь передать своеобразную метафору в последней строке. Правда, она передана в переводе сравнением (вместо "песок жизни" — "песок, как жизнь"), но мысль выражена четко, оригинальность образа Бернса не нарушена.

Несколько обеднен, ослаблен рисунок 10 строки, где Маршак заменил художественные детали.¹⁾

В общем перевод воссоздал высокую эмоциональность бернсовских строк, сохранив основные краски. Анафорическое "не" (9, 10, 11) в английских стихах отсутствует, но оно удачно усиливает, выделяет мысль автора.

Последняя строфа, прощальная, переведена свободнее других, но и здесь перевод не теряет смысловую точности.

IV строфа

13. And fare thee weel, my only love!
14. And fare thee weel a while!
15. And I will come again, my love,
16. Thou it were ten thousand mile.
Будь счастлива, любовь моя,
Прощай и не грусти.
Вернусь к тебе, хоть целый свет
Пришлось бы мне пройти!

В подлиннике дважды повторяется одна строка с небольшой вариацией (13, 14). Этот точный повтор Маршак заменяет повторением синонимических сочетаний, положив в их основу значения английского "fare thee weel" ("будь счастлива", "прощай").²⁾

В 15 строке опущено повторяющееся обращение "my love" ("моя любовь"). Им пришлось пожертвовать, чтобы не скомкать последующую строку. Содержание ее полностью отражено в переводе, хотя внешнего соответствия между стихами нет.³⁾ Анафорическое повторение союза "and" при переводе потеряно (13, 14, 15).

В общем перевод С. Маршака отличается большой поэтической верностью. Отдельные отклонения от подлинника не нарушают его индивидуального своеобразия. Они обусловлены требованиями стиха и оправданы общим смыс-

1) Ср. подстрочник:
И пока скалы не растают от солнца...

2) Ср. переводные словари.

3) Ср. подстрочник:
Если я буду даже за десять тысяч миль.

лом оригинала. Маршак жертвует некоторыми деталями, чтобы ярче, полнее выделить основное, характерное для подлинника.

Очень хорошо передана интимность тона бернсовских стихов, непосредственное обращение к собеседнику.

Яркая вещественная образность без всякой примеси книжно-поэтических штампов оттеняет искренность, глубину чувств. Стихи Бернса сохранили в переводе свою легкость, плавность стихотворной речи. Их построение в основном соответствует подлиннику. Удачно пересоздан ритмический рисунок. Как и Бернс, Маршак чередует четырехстопный ямб с трехстопным, рифмуя лишь четные строки. Правда, эпитеты, создающие созвучия в нечетных строках, в русских стихах не воспроизведены (9—11; 13—15). Основной мотив, мелодия народной песни Бернса Маршак не нарушает.

К каждому стихотворению Маршак подходит по-разному. Он умело находит то главное, что определяет своеобразие оригинала, и подчиняет все средства русского языка выявлению его. В "Финдлее" ("What Is That At My Bower Door?") и "Нэнси" ("My Spouse Nansy"), — это сжатость, лаконичность диалога, живой юмор простонародной речи; в "Застольной" ("Auld Lang Syne"), в "Джоне Андерсоне" ("John Anderson, my Jo") — глубокий лиризм бернсовских сопоставлений; озорные, шаловливые интонации в песне "Ты свистни..." ("O, Whistle, And I'll Come to You"); однообразные повторы выражающие безысходное горе в стихотворении "Ты меня оставил, Джеми" ("Thou Hast Left Me Ever Jamie") и т. д.

Маршак так глубоко проник в душу поэзии Бернса, что даже некоторые прямые отклонения от подлинника в его переводах не воспринимаются как искажения, благодаря верно найденной интонации.

Сравните, например, перевод IV строфы шуточной песенки Бернса "The Joyful Widower" ("Счастливы вдовец"):

Would I could guess, I do profess — Я так хотел бы разгадать
I speak, and do not flatter — Загробной жизни тайну,
Of all the women in the world — Чтоб после смерти нам опять
I never could come at her. Не встретиться случайно.

По-существу Маршак заменил бернсовские строки своими стихами.

Он умышленно допустил изменения контекста, стараясь выделить юмористическую сторону песни.

В общем русские стихи соответствуют стилю и интонации подлинника. Они настолько органически связаны с контекстом оригинала, что трудно упрекнуть переводчика в этой вольности. Маршак здесь слился с самим Бернсом.

Они ближе по духу к подлиннику, чем например, внешне точные, но громоздкие строки Т. Л. Щепкиной-Куперник.¹⁾

Бернс взял все лучшее из народной песни, перенес в свое творчество ее своеобразие, ее народный "дух", музыкальность, простоту тона. Но талантливый поэт обогащает старую форму шотландских песен новым содержанием, насыщая свою лирику социальными мотивами.

Социальная лирика Бернса мало представлена в прежних переводах. Протестующий голос поэта заглушают сентиментальные мотивы, которые выплывали в бернсовской лирической поэзии большая часть дореволюционных переводчиков.

С. Маршак выбирает для своих переводов наиболее характерные для творчества народного поэта произведения. Здесь и песни о несчастной любви, которая всегда осложнена несправедливостью буржуазного общества, здесь и веселые песни, славящие неподкупную, чистую любовь бедняков.

Гуманистическое обличение хищного и жливого мира, где на смену феодальному варварству приходит жестокая власть денег, нашло в переводах Маршака глубокое выражение.

Советский переводчик не боится браться за те произведения, которые были уже знакомы русскому читателю по прежним переводам, давая наиболее верное их истолкование, возрождая их к жизни ("Как родители жестоки", "Старый Роб Моррис", "Лорд Грегори", "Веселые нищие", "Когда кончался сенокос" и др.).

С целым рядом социально насыщенных народных песен Бернса Маршак знакомит нас впервые. ("Что делать девчонке?", "Босая девушка", "Подруга угольщика", "Надпись на бумажных деньгах", "Мэгги с мельницы", "Девушка с приданым" и др.).

На основе народной песни Бернс создает политические песни в которые вкладывает свои демократические взгляды.

Очень немногие из них были знакомы русскому читателю до переводов С. Маршака. Советский переводчик представил нам наиболее яркие примеры революционно-демократических песен шотландского поэта, раскрывающие перед читателем образ пламенного борца за свободу.

¹⁾ Ср. перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник:

"Знай я заранее цепь страданий,
Что принесет мне этот брак,
Скажу по чести и без лести, —
Ее не выбрал бы никак!"

Среди них следует прежде всего назвать песню "Дерево свободы" ("The Tree of Liberty"). Она написана Бернсом в 1794 году, в период наивысшего подъема французской революции, которую поэт приветствует в этих стихах. В произведении отразилась твердая вера поэта в грядущее общество без насилия и угнетения.

По цензурным соображениям это стихотворение не увидело света при жизни Бернса. Оно было напечатано только через 40 лет после его смерти. В нем автор одобряет казнь короля Людовика и выражает ненависть и презрение к реакционной коалиции, возглавляемой Англией и пытавшейся задуть молодую французскую республику.

Буржуазные литературоведы замалчивают это замечательное стихотворение при анализе творчества великого шотландского поэта, и даже сборники стихов более позднего периода в большинстве случаев не включают это произведение Бернса.

Перевод С. Маршака явился первым русским переводом революционной песни "The Tree of Liberty" ("Дерево свободы"). Несмотря на отсутствие внешней близости к подлиннику, этот перевод полностью воссоздал поэтические образы и основную идейную направленность бернсовской песни, сохранил силу и звучность стихов.

Очень верно схвачен интонационный рисунок оригинала. Переводчик воссоздает живую разговорную интонацию грубоватой, неприкрашенной крестьянской речи:

"У деревца хотел Бурбон,
Подрезать корешки, брат,
За это сам лишился он
Короны и банши, брат!"

В других стихах создана необходимая торжественность тона; в них звучит пафос справедливой борьбы за свободу:

"Скликает всех своих сынов
Свобода молодая
Они идут на бранный зов,
Отвагою пылая."

В передаче этих живых модуляций состоит одно из основных достоинств перевода С. Маршака.

Любопытен также перевод песни "There's A Health To Them That's Awa" ("Тост"), с которой Маршак познакомил нас совсем недавно. Бернс написал это произведение в 1792 г., когда по всей Шотландии распространились запрещенные книги знаменитого публициста Тома Пэйна, бежавшего из Англии и преданного анафеме. Шотландскому поэту удалось сохранить памфлеты этого писателя. В его стихах встречаются строчки, совпадающие с отдельными местами книги Пэйна "Права человека".

Свободолюбивые, демократические настроения Бернса

верно отражены в стихах С. Маршака. Переводчик хорошо передал композиционно-стилистические и художественные особенности песни. Ее язык очень прост. Маршак, как и Бернс, избегает высоко поэтических эпитетов, замысловатых метафор. Меткие, лаконичные стихи превращаются порою в лозунги:

"Свободе—привет и почет..."

или:

"Да здравствует право читать!
Да здравствует право писать!"

Едва ли не самым популярным стало у нас в переводе Маршака одно из программных произведений Бернса "Is There, For Honest Poverty" ("Честная бедность"). Оно чрезвычайно характерно для Бернса и по мысли и по форме. Написано это стихотворение в 1795 г. и является одним из самых ярких общественно-обличительных произведений шотландского поэта.

Форма его ближе всего к шотландской балладе и лирической песне. Стихи сложены поэтом на мотив шотландской народной песни. "For A'That And A'That". Та "магия" музыкальных повторов, которая всегда привлекает нас в стихах Бернса, была усвоена им вместе с народной поэзией.

Используя форму народной песни, поэт вложил в нее новое содержание, придав песне социальное звучание. В этом произведении высказаны основные мотивы всего творчества Бернса, презрение к богатству и титулам, прославление свободы человеческой личности, вера в победу демократии. Английский исследователь бернсовской поэзии J. Blackie справедливо отмечает, что основной идеей этого стихотворения, по-существу, являются лозунги французской революции: свобода, равенство, братство.¹⁾

Поэтому-то реакционное буржуазное литературоведение, искажающее политический облик Бернса, стремится замолчать это произведение или отнести его в ряд второстепенных. Так например, некий Edwin Muir считает песню "Is There, For Honest Poverty" ("Честная бедность") неудачным стихотворением Бернса.²⁾

Несмотря на эти старания буржуазной критики, замечательная песня Бернса до сих пор пользуется огромной популярностью среди простых англичан и шотландцев.

Известно два перевода "Is There, For Honest Poverty", выполненные до Маршака. Один из них принадлежит В. Костомарову³⁾, второй—Т. Л. Щепкиной-Куперник.⁴⁾

¹⁾ J. S. Blackie, Life of Robert Burns, Lnd, 1888, p. 17.

²⁾ Edwin Muir, The Burns Myth, in: "Robert Burns, Essays By Six Contemporary Writers", Glasgow, 1947, p. 8.

³⁾ См. "Прежде всего", перевод К-ва. "Литературные вечера", 1873, стр. 395.

⁴⁾ См. "Честная бедность", в кн. "Роберт Бернс". Избранная лирика. Перевод с англ. Т. Л. Щепкиной-Куперник, М., ГИХЛ, 1936, стр. 93.

Первый переводчик не понял основного характера творчества народного поэта и искал идею, фальсифицировал смысл одного из лучших его произведений.

Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник внешне близок к подлиннику, но и он навязывает Бернсу чуждые настроения. Ни в одном из прежних переводов демократические мотивы песни не звучали так четко, как в стихах С. Я. Маршак. Он сумел передать и содержание и живой юмор, и своеобразие стиля подлинника, Маршак дает почувствовать прелесть игры слов, ритмичность словесных сочетаний, музыку стиха. Обратимся к подробному анализу этого перевода:

I строфа

1. Is there, for honest poverty,
2. That hangs his head and a' that;
3. The coward-slave, we pass him by,
4. We dare be poor, for a' that!

Кто честной бедности своей
Стыдится, и все прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.

Контекст английской строфы подвергся некоторым изменениям. Содержание ее сжато, но не скомкано. Краткие замены Маршак позволяют сохранить рамки стиха и ясность мысли. Так, выражение "hangs his head" — вешает голову (2) переведено одним глаголом — "стыдится", который, хотя и не является прямым синонимом, хорошо раскрывает смысл подлинника.

Переводчик опускает конец 3 и всю 4 строку Бернса, но их общий смысл отражен в русском тексте¹⁾. В переводе верно сохранены основные мотивы оригинала. Дополнительно введенное Маршаком — "самый жалкий из людей" помогает выделить высказанное автором чувство презрения к тем, кто боится бедности.

Интересно сравнить эти же стихи в переводе В. Костомарова:

"Бедняк, будь честен и трудись,
Трудись прежде всего..."

Здесь явный произвол. Переводчик изменил общую идею подлинника. В русских стихах слышны чуждые Бернсу настроения примирения и терпимости.

Маршак допускает вольности в обращении с текстом, но он не нарушает смысловой верности оригиналу. Перевод его сохраняет варьирующие повторения в четных строках. Правда "и прочее" (4) несоответствует по значению английскому "for a' that" (несмотря на все), которое Маршак опускает вместе со всей бернсовской строкой. В целом поэтическая строфа передана хорошо. Стихи гладки и отличаются большой легкостью.

1) Ср. подстрочник:

"..... мы пройдем мимо него,
Мы не боимся бедности, несмотря на все".

Далее у Бернса идет припев, который, очевидно, подхватывается хором. Бодрый, плясовой ритм его верно передан в переводе:

5. For a' that, and a' that,
 6. Our toil's obscure, and a' that;
 7. The rank is but the guinea's stamp,
 8. The man's the gowd for a' that.
- При всем при том,
При всем при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство —
Штамп на золотом,
А золотой —
Мы сами.

Здесь Маршак хорошо перевел "for a' that", найдя для него подходящее соответствие в русском разговорном языке. Подхват в 5 строке все же потерян, т. к. предыдущую строку переводчик изменил. Уничтожены и бернсовские эпифоры (5, 6, 7): правда, звучание стихов не обедняется, благодаря созвучным словосочетаниям — "При всем при том", "Мы сами" — "Мы с вами". В 8 строке Маршак удачно использовал подхват.

В общем отклонения от стилистико-композиционного рисунка подлинника при переводе диктуются стремлением сохранить основное — мелодию, музыкальное движение стихов, что и удалось Маршаку сделать.

Текстуальные изменения очень незначительны, Маршак заменяет реалию "guinea" — гиней (7) на более понятное для русского читателя — "золотой". Замена тем более оправдана, что у Бернса в 8 строке тоже встречается "the gowd", такие замены как "gank" — чин (7) на — "богатство", "the man" — человек (8) на — "мы сами" можно считать синонимичными, они не противоречат образам Бернса.

Русская 6 строка не соответствует внешне английской. Перевод не отражает узкого контекста подлинника, но смысловая общность и здесь не нарушена.¹⁾

Маршак сохранил меткость, афористичность бернсовских стихов в них слышится народная мудрость.

Во второй строфе звучат обличительные нотки. Силу их перевод не ослабляет. Маршак подчиняет средства родного языка более глубокому раскрытию идеи подлинника.

II строфа:

9. What though on hamely fare we dine,
Мы хлеб едим, и волю пьем.
10. Wear hoddin grey, and a' that;
11. Gi'e fools their silks, and knaves their wine,
Мы укрываемся тряпьем
И все такое прочее,
12. A man's a man for a' that.
А между тем дурак и плут
Одеты в шелк и вина пьют
И все такое прочее.

Стихи Маршак даже резче бернсовских. Раскрывая

1) Ср. подстрочник:
Труд наш безвестен и все прочее.

мысль автора, он подыскивает более сильные синонимы. Так у Бернса "hameley fare"—скудная простая пища (9), в переводе — "хлеб и вода"; реалия "hoddin grey"—грубая простая одежда (10)¹⁾ заменяется общим, но более резким — "тряпьем".

Несколько меняется синтаксис подлинника. В переводе опущено "What though"—что из того (9), а повелительное "Gi'e"—отдай (11) заменяется двумя сказуемыми в изъявительном наклонении. Их выбор подсказал контекст—"одеты"—"пьют".

В русских стихах просто констатируются факты. Но используя лексико-синтаксический параллелизм, переводчик выделяет, подчеркивает несправедливый контраст.

У Бернса выражено лишь презрение к богатству и гордое чувство независимости, в переводе сильнее звучит возмущение, протест.

Маршак сохраняет повтор, хотя без вариаций. Это увеличивает несколько строфу оригинала.

Анафоры "Мы" у Бернса нет (9, 10). Общий ритмический рисунок стихов переводчиком выдержан. Хорошо отражены разговорные интонации бернсовских строк.

Припевное четверостишие снова начинается подхватом. Наблюдается перебой ритма.

13. For a' that, and a' that,

14. Their tinsel show, and a' that;

15. The honest man, though e'er

16. Is king o'men for a' that.

Кто честным кормится трудом,

Таких зову я знатю.

Как и в первом припеве, Маршак сохраняет повтор в 13 строке. Эпифоры в переводе исчезли (13, 14, 16). Полнозвучие рифмы и добавочная рифмовка нечетных строк компенсируют потерю бернсовских созвучий.

Содержание четверостишия в основном отражено полностью; образы не нарушены, хотя буквального соответствия между значениями слов нет. Маршак вносит изменения в узкий контекст стихов, чтобы четче выразить мысль автора. Он создает свои строки, ориентируясь на основные смысловые образы Бернса, поэтому его перевод, несмотря на большую свободу, отличается большой поэтической верностью²⁾

1) Ср. по St. Engl. Dict: hoddin' grey-Hodden Grey—a coarse cloth having the natural colour of the wool; formerly worn in nothern England and Scotland.

2) Ср. подстрочник:

Несмотря на все это и все прочее,
На их парадный блеск и все прочее;
Честный человек, хоть он так беден,—
Король над всеми, несмотря на все.

В последующих стихах поэт высмеивает лордов, называя их глупцами.

III строфа

17. Ye see yon birkie, ca'd a' lord

18. Wha struts, and stares, and a' that;

19. Though hundreds worship at his

20. He's but a coof for a' that.

word,

Бревно бревном останется.

Переводчик полностью воспроизвел характеристику лорда, нарисованную Бернсом, хотя отдельные детали в ней заменены. Так автор называет лорда—"birkie"—самодовольным щеголем (17)¹⁾ у Маршака он—"шут". Слова не сходны по значению. Но русское "шут" подсказано самим контекстом подлинника и служит более яркому воссозданию образа Бернса. Простой честный люд смеется над лордом, считает его чванство шутством. Русское "шут" передает эмоциональную окраску шотландского "birkie".

Далее, сочетание английских глаголов "struts and stares" (18) передается эпитетами "чопорен и горд", которые выданы именно с учетом значения английских слов.²⁾ Маршак умышленно изменяет форму, чтобы ярче нарисовать образ, четче выразить мысль.

Прекрасно и совершенно точно переведена 20 строка. Маршак умело нашел в русском разговорном языке выражение, передающее полностью образную нагрузку шотландского—"coof"³⁾. Соответствие в стиле полное. 18, 19 строки в переводе смещены: это помогает лучше сохранить логическую связь между строками и выделить основную идею подлинника. С этой же целью Маршак связывает 18 строку с 20, перенеся в нее "though"—хотя (19), которое он заменяет на "но пусть". Контекст и смысловой оттенок 19 строки в переводе изменились. У Бернса нет модального "должны", но в общем здесь нет противоречия основным мотивам произведений.⁴⁾ Текстуальные отклонения оправдываются стремлением переводчика полнее отразить интонации бернсовских стихов: насмешку над тупыми вельможами, возмущение против несправедливости.

Эпитет "природный" (17) не имеет прямого соответствия в английской строфе, но он органически связан с ее контекстом. Повторения "and a' that" "for a' that" (18—20) потеряны при переводе, но музыка стихов от этого не

1) Ср. по Рейду: birkie—a smart conceited fellow.

2) Ср. по St. Engl. Dict: 1. to strut—to walk pompously, conceitedly and affectedly.

2. to stare—to fix the eyes in a steady gaze, expressive amazement, admiration, etc.

3) Ср. по Рейду: coof—a blockhead, a fool, a ninny.

4) Ср. подстрочник:

Хоть сотни благоговеют перед каждым его словом,

обедняется, благодаря удачным рифмам. Правда, в связи с уничтожением "for a' that" в 20 строке теряется подхват в припеве:

21. For a' that, and a' that, При всем при том,
22. His riband, star and a' that; При всем при том,
23. The man of independent mind, Хоть весь он в позументах,
24. He looks and laughs at all that. Бревно останется бревном
И в орденах и в лентах!

Как и раньше при переводе концовки строфы Маршак не сохраняет эпифоры в 21, 22, 24 строках. Потеря ее не сколько компенсируется рифмовкой строк.

При переводе выпали две строки четверостишия (23, 24), но их основной смысл передан общим русским текстом¹⁾ "Хоть весь он в позументах" отсутствует в подлиннике; однако эти детали, введенные Маршаком дополнительно служат более полной характеристике образа Бернса.

Переводчик повторяет в концовке с некоторой вариацией 20 строку, чего у автора нет. А в общем этот перевод хорошо соответствует народному стилю песни. Четкий ритм и легкость бернсовских стихов в переводе не нарушены.

Остроумным и живым юмором отличаются следующие строки.

IV строфа

25. A prince can mak' a belted knight, Король лакея своего
26. A marquis, duke and a' that; Назначит генералом,
27. But an honest man's aboon his might. Но он не может никого

28. Guid faith he mauna fa' that. Назначить честным малым.

Русские стихи очень гибки и звучат так же насмешливо, как бернсовские. Условия формы заставили сжать текст строфы. Маршак жертвует некоторыми второстепенными деталями. Так, однородные члены "a belted knight" (рыцарь в ремнях), "a marquis" (маркиз) и "duke" (герцог) в 25—26 строках заменены одним существительным — "генералом". Ясность мысли при этом не нарушена. Повторяющееся "and a' that" и прочее (26) опущено.

Выпала вся 28 строка, родственная по содержанию предыдущей²⁾.

Между значениями отдельных слов нет прямого соответствия. Маршак не стремится к буквальной передаче этих значений, но он это делает в интересах подлинника.

Например, общее "a prince" — государь (25) заменяется конкретным — "король", что точнее выражает мысль автора. Сложное сказуемое, выраженное сочетанием "can mak' a"

1) Ср. подстрочник:

Человек, ценящий свою независимость,
Смотрит и смеется над этим.

2) Ср. подстрочник:

Увы! он не может сделать это.

может сделать (25), заменено простым — "назначит". Такая краткая замена позволяет сохранить рамки стиха. Функции же этих синтаксических форм в данном случае тождественны.

Перевод глагола "mak'" (сделать) русским — "назначить" обусловлен требованиями русской фразеологии. Далее, переводчик находит удачный стилистический синоним английскому — "an honest man" — "честный малый". Выражению "s aboon his might" — выше его сил, его возможностей (27), хорошо соответствует русское — "не может назначить". Лексический параллелизм в стихах Маршака позволяет выделить основную идею подлинника.

Перевод сохранил плавность стихотворной речи и четкость мысли. Дополнительные детали, отсутствующие у Бернса ("лакея своего", "никого") органически связаны с контекстом и диктуются русскими лексико-фразеологическими условиями.

Перевод не сохраняет эпифоры в четных строках, но рифмы Маршака очень полновочучны: "генералом" — "малым". Повторение синонимических сочетаний в последних стихах при переводе потеряно. В концовке строфы как бы подводится итог сказанному ранее.

29. For a' that, and a' that При всем при том,
30. Their dignities, and a' that При всем при том,
31. The pith o' sense and pride o' worth Награды, лесь
32. Are higher ranks than a' that. И прочее,
Не заменяют
Ум и честь
И все такое прочее!

Воспроизведя своеобразный музыкальный ритм, Маршак сохраняет игру повторов. Стихи в переводе разбиты на полустихия ради четкости пауз.

Тройная эпифора "a' that" (29, 30, 32) нарушена.

Переводчик удачно пересоздал лаконизм, исключительную меткость бернсовских стихов. Контекст предельно сжат. Русские слова включают в себя значения нескольких английских слов. Так, "The pith o' sense" — суть разума (31) соответствует краткому — "ум" вместо "pride o' worth" — гордость от сознания собственного достоинства (31) переводчик использовал одно слово — "честь", что вполне ясно передает мысль автора. Русский глагол "не заменяют" привнес на себя полностью смысловую нагрузку английского словосочетания "are higher ranks" — являются более высокими титулами (32).

И наоборот, "dignities" — звание, титулы (30) Маршак заменяет двумя существительными — "награды", "лесь", яснее раскрывая главную идею. Создавшееся созвучие "лесь" — "честь" очень характерно для стиля бернсовской песни.

Последние стихи в переводе перемещены ради сохранения логической связи между строками.

Последняя строфа, определяющая идейную направленность всего произведения, получила верное отражение в переводе Маршака. Основные интонации стихов, твердая вера автора в победу подлинной демократии верно схвачены переводчиком:

33. Then let us pray that come it may,

34. As come it will for a' that

35. That sense and worth o'er a' the
earth

36. May bear the gree, and a' that.

Настанет день и час пробьет,
Когда уму и чести
На всей земле придет черед

Стоять на первом месте.

Маршак умело выделил решающие для смысла подлинника слова и ориентировался на них при переводе. Он умышленно опускает 33 строку, чтобы перенести все внимание читателей на последующие стихи, определяющие идею произведения. Настроения выпущенной строки не характерны ни для этого стихотворения, ни для всего творчества шотландского поэта.¹⁾

Бернс не верил, что счастье дает людям бог, наоборот, поэт смело заявил, что "церкви выгодны попом" лишь. Таким образом, переводчик подчеркнул главное, характерное для подлинника в стихах.

Боязнь отступить от буквы, неумение найти главное в иностранном тексте нередко приводит к переосмыслению, а то и к искажению идеи подлинника, что можно наблюдать, например, в прежних переводах этой песни Бернса.

Сравните, как перевела эти же строки Т. Л. Щепкина-Куперник.

"Итак в душе наджда есть:

Мечту мою исполни, боже,

Чтоб в целом мире ум и честь

Победу одержали все-же.²⁾

Переводчица выделила в данном случае второстепенную по значению фразу "let us pray..." (давайте помолимся...) и, ориентируясь на нее, изменила настроение подлинника, навязала Бернсу чуждые мотивы излишней религиозности.

Другой переводчик—В. Костомаров совершенно искал оригинал:

"Молитесь все, чтоб бог послал

Нам царствие его...

Чтоб честный труд на свете стал

Почетнее всего."³⁾

Несомненно, что в передаче идейной направленности

1) Ср. подстрочник:

Так помолимся, чтобы пришло время...

2) См. Роберт Бернс. Избранная лирика, перевод с англ. Т. Л. Щепкиной-Куперник, М., ГИХЛ 1936, стр. 34.

3) См. "Прежде всего", перевод К-ва "Литературные вечера", 1873, стр. 395.

произведения решающую роль играет подбор слов. Иногда от слова зависит судьба всей работы.

В переводе Маршака есть внешние неточности, но они служат более верной передаче интонации подлинника. Так, повторение синонимических сочетаний в 33 русской строке вместо простого "come it will for a' that"—придет, несмотря на все (36) создает нужную торжественность тона, выражает твердую уверенность в победе справедливости на земле.

С этой же целью переводчик заменяет сослагательное "may bear the gree"—могли бы победить (36) на—"придет черед стоять на первом месте". Здесь, к тому же удачно найдено стилистическое соответствие народному выражению "to bear the gree".¹⁾

Варирующиеся повторения "for a' that"—"and a' that" не вместились в русские строки (34, 36), однако, в переводе сохранилась бодрость и звучность бернсовских стихов. В концовке строфы переводчик допускает лишь незначительные отклонения от подлинника:

37. For a' that, and a' that

38. It's coming yet, for a' that

39. That man to man, the world o'er,

40. Shall brothers be for a' that.

При всем при том,

При всем при том,

Могу вам предсказать я,

Что будет день,

когда кругом

Все люди станут братья!

Содержание четверостишия не пострадало. Синонимы, которыми пользуется Маршак, не противоречат смыслу стихов и позволяют сохранить их гибкость. Например, сочетание "man to man"—человек человеку (39) вполне соответствует русское—"все люди"; а выражение "the world o'er"—во всем мире (39) полностью вместились в одном слове—"кругом".

Краткие замены при переводе отдельных элементов текста позволили ввести дополнительную строку—"могу вам предсказать я", хорошо оттеняющую дух оптимизма, характерный для Бернса.

Музыкальный ритм стихов пересоздан верно. Повторения не все сохранились; переводчику пришлось пожертвовать эпифорами (37, 38, 40).

Перекрестная рифма, используемая в переводе, несколько компенсирует потерю созвучий.

Из анализа можно сделать следующие выводы. С. Я. Маршак в переводе отдельных лексических элементов подлинника, в выборе значений слов и выражений придерживается правильного принципа: он исходит из контекста, учитывая не только смысл фразы, но и общую идейную направленность всего произведения, всего творчества в целом.

1) Ср. по Рейду: to bear the gree—to have the victory; carry off the prize.

Изменения подлинника при переводе могут быть чисто текстуального характера или являться следствием изменения стиля и художественно-образительных средств. Изменения в тексте чаще всего лишь внешне значительны. В действительности они диктуются стремлением точнее, полнее передать содержание оригинала.

Иногда текстуальные отклонения ведут к усилению социальных мотивов песни, делают более резкими обличительные ноты бернсовских стихов. (2, 9, 10, 19).

Маршак умышленно опускает отдельные выражения и даже строки, чтобы четче выделить основную идею подлинника (33). Часто текстуальные изменения объясняются разницей в особенностях двух языков. Например, русские слова большей частью длиннее английских, потому бывает невозможно вместить в строку все лексические элементы, приходится жертвовать некоторыми из них. И здесь Маршак проявляет умение найти решающие по смыслу слова и ориентируется на них при переводе. Он жертвует лишь второстепенными деталями, потеря которых не наносит ущерба целому. Переводчик мастерски создает гонимые фразы, охватывающие сразу несколько строк подлинника. Они позволяют предельно сжато передать содержание английских стихов, не скомкав мысли. Иногда одно русское слово отражает общий смысл целой фразы, а то и строки (The rith o' sense — ум; pride o' worth — честь; the world o'er — кругом, и т. д.)

Встречающиеся в тексте реалии Маршак заменяет общими словами, передавая лишь их основной смысл: "the guinea's stamp" — "штамп на золотом" (7); "hoddin' grey" — "тряпье" (10). Но это не значит, что перевод не передает национальной окраски подлинника. Она не сводится только к реалиям. Простота тона, народный "дух", социальный протест против власти денег, гордое чувство независимости — это и есть характерные национальные черты шотландских народных песен. Переводя реалии, заменяя их общими словами, Маршак лишь делает песню понятной широкому кругу русских читателей.

Народность поэзии Бернса определяется и насыщенностью народными фразеологическими оборотами и просторечными выражениями: "that hangs his head" (2); "s'aboon his might" (27); "good faith" (28); "for a' that, and a' that"; "may bear the gree" (36), etc.

Язык Бернса изобилует народными шотландскими словечками (birkie, coof, bonnie) или же просторечными формами слов (giband; aboon; hamely; gowd и т. д.). Маршак хорошо передает этот народный стиль подлинника. Конечно, диалектизмы не поддаются переводу, но ведь автор использует их для простоты тона, чтобы сделать свои произведе-

ния близкими, понятными народным массам. Эту функцию диалектизм в песнях Бернса выполняет переводчик. Русский текст он также обогащает разговорными выражениями (и все такое прочее; при всем при том; укрываемся тряпьем; бревно бревном останется; честный малый; придет черед; кругом и т. д.). Фразеологические обороты подлинника Маршак заменяет соответствующими из родного языка. Если они теряются в некоторых строках (2, 27), то переводчик вводит свои обороты там, где их у Бернса нет (14, 15, 20).

Язык шотландского поэта так образен, его выражения так метки, что они часто превращаются в афоризмы. Перевод удачно передает эту особенность языка оригинала с помощью фразеологических штампов.

Бернс использовал в своих стихах поэтику народной песни. Он употребляет разнообразные повторения, причем дает им необходимую смысловую и идейную нагрузку, связывая форму с содержанием. Так, на протяжении всего произведения повторяется выражение "for a' that" (при всем при том), создавая впечатление твердой уверенности в неизбежности победы демократии. Четыре раза повторяется с некоторыми вариациями основной образ песни — созданный Бернсом идеал честного независимого человека, не стыдящегося своей бедности: "honest poverty" (1) "the honest man" (15, 27); "the man o' independent mind" (23).

Нужно отметить, что не все повторения нашли отражение в переводе. Некоторыми из них пришлось пожертвовать ради сохранения условий стиха (эпифоры и подхват в конце строфы).

Однако, Маршак использовал перекрестную рифму, так что звучание бернсовских стихов в общем почти не пострадало. Переводчик удачно пересоздал лаконизм, меткость строк автора. Они не потеряли своей легкости, плавности. Музыкальный ритм песни выдержан удивительно точно. Маршак сохраняет особенности размера, используя, как и Бернс, четырехстопный ямб с чередующимися мужскими и женскими рифмами.

Переводчик отрывает четверостишие — концовку от первой части строфы. Но она у Бернса вполне самостоятельна. Перевод сохраняет припевный характер этого четверостишия. Строки Бернса Маршак разбивает на полустихия, чтобы выдержать четкость ритма в стихах подлинника. В целом произведение Бернса сохранило в переводе и свои демократические мотивы, и обличительную струю, и характерные образы, и своеобразную форму шотландской народной песни.

В переводах Маршака мы познакомимся с целым рядом песен, в которых Бернс поет о родной стране и ее героях.

Свободолюбивые, патристические мотивы характерны для творчества шотландского поэта.

Бернс горячо любит родные места, у которых богатое прошлое. С особым лиризмом поэт он о суровой природе Шотландии, предпочитая ее горы со снежными вершинами и быстрые реки богатей сада Юга. Чистота и свежесть бернсовских пейзажей хорошо гармонирует с простыми, естественными чувствами („Мое сердце в горах“, „Скалистые горы“ и т. д.). Какой болью проникнуты прощальные стихи, написанные в то время, когда обстоятельства вынуждали поэта покинуть родину.

Бернс восхищается беспредельным мужеством шотландцев, их честностью и трудолюбием.

Песни Бернса о родине привлекают своим большим искренним чувством многих русских поэтов, но только Маршаку удалось передать всю глубину этого чувства. Искусственное повышение стиля в прежних переводах, „украшательство“ подлинника, а также нарушение особенностей формы,—все это несомненно искажало поэтическую характеристику бернсовских песен, лишало их художественного своеобразия, характерной для них простоты, естественности.¹⁾ Предки поэта жили в северной Шотландии, где до сих пор сохранился кельтский язык (гэлик). В XVIII в. кланы Севера охотно примыкали к восстаниям, направленным против английского правительств.

Бернс не может смириться с тем фактом, что его родина потеряла независимость. Поэт обращается к историческому прошлому Шотландии, воскрешая в памяти народа национальных героев, мужественно сражавшихся за освобождение родины.

Борьбе за свободу Шотландии посвящены многие песни народного поэта. Наиболее яркие из них нашли отражение в переводах С. Маршака. Это прежде всего стихотворение „Fateweel To A'Our Scottish Fame“ („Шотландская слава“), в котором поэт клеймит шайку изменников, предавших свою родину „за горсть презренных денег“.

Перевод верно отразил всю горечь, боль поэта за угнетенную Шотландию. Возьмите последнюю строфу произведения:

¹⁾ См. „На чужбине“ пер. О. Чюминой, сб. Стихотворения 1892—1897, СПб 1900, стр. 127.

„В Шотландии“ пер. А. Федорова, журн. „Вестник Европы“, „Родина“ перевод М. Шелгунова, журн. „Дело“, 1879, № 8, ст. 68.

Переводы из Бернса М. Я. Российского в сборнике „Стихотворения М., 1913, стр. 28.

„Мое сердце в горах“, „Прости“, переводы Т. Л. Щепкиной-Куперник в сб. „Роберт Бернс. Избранная лирика“, М., ГИХЛ, 1936, стр. 83, 97.

O would or I had seen the day,
That treason thus could sell us,
My auld grey head had lien in clay
Wi' Bruce and loyal Wallace!
But pith and power, till my last hour,
I'll mak' this declaration,
We're bought and sold for English
gold—

Преклятые предавшей нас

Мошенической шайке!

Such a parcel of rogues in a
nation!

Текст передан свободно, но как верно отражено содержание стихов! Поэт не хочет признать английское господство. Гневные, резкие строки протеста не ослаблены переводчиком. Особенности формы, художественное своеобразие подлинника правильно переданы в переводе Маршака.

Не менее правдив и перевод стихотворения „Ваппоскбириг“ („Обращение Брюса к Шотландцам“), которое превратилось как бы в шотландский национальный гимн. Написать эту песню вдохновило поэта посещение поля битвы Роберта Брюса с англичанами под Баннокберном.

Произведение „Ваппоскбириг“ („Обращение Брюса к шотландцам“) звучало для современников Бернса не только как историческая баллада, но прежде всего, как живой призыв к борьбе с английским господством.

Известный английский литературовед Томас Карлейль отмечает, что эта „воинственная ода“ и сейчас волнует сердца всей людей. В этих стихах Бернса звучит протест против всех тиранов.

Первый русский перевод „Ваппоскбириг“ („Баннокберн“) принадлежит О. Чюминой.¹⁾ В нем верно раскрыто содержание подлинника, отражен пафос борьбы за независимость. Эмоциональность бернсовских стихов в общем не снижена переводчицей. Но все же индивидуальное своеобразие подлинника в переводе нарушается. О. Чюмина не сумела сохранить характерную для оригинала четкость, динамичность стихов.

Основная трудность, с которой мы сталкиваемся при переводе этой песни заключается в переводе лаконизма бернсовских строк, поражающих своей меткостью, четкостью. Они звучат как воинская команда.

Первый перевод нередко нарушает эту особенность подлинника, хотя и сохраняет плавность стихотворной речи.

Маршак сумел преодолеть эту трудность, добиваясь предельной сжатости стихов и ясности мысли. В первой строфе поэт обращается к шотландцам:

¹⁾ См. „Воззвание Брюса к дружине“, перевод Чюминой, журн. „Мир божий“, июнь, 1896, стр. 41.

I строфа

1. Scots, wha ha'e wi' Wallace bled!
Вы, кого водили в бой
2. Scots, wham Bruce has aften led!
Брюс, Уоллес за собой, —
3. Welcome to your gory bed
Вы врага ценой любой
4. Or to glorious victory!
Отразить готовы

Поэтическую строфу переводчик выдерживает. Соблюдается ритм английских стихов, тройная рифма. Контекст пришлось сжать, чтобы не нарушить стиха. Первые две строки, вполне самостоятельные у Бернса, Маршак объединяет одной фразой.

Обращение „Scots“ заменено местоимением „вы“, т. к. многосложное „шотландцы“ нарушило бы рамки стиха.

Анафорическое повторение обращения в 1, 2 строках исчезло. Правда „вы“ встречается в 3 русской строке.

В переводе выпало одно из сказуемых — „ha'e bled“ — проливали кровь (1).

Две другие строки Маршак заменяет своими стихами, отражая лишь основной смысл подлинника. Следует отметить, что хотя мысль автора не пострадала при переводе, эмоциональность бернсовских стихов снижена. Английские строки звучат сильнее, торжественнее, образы в них кра- сочнее.¹⁾

Большой поэтической верностью отличается перевод следующей строфы, в которой поэт говорит о надвигающейся опасности. Тревожные ноты подлинника пересозданы в русских стихах:

II строфа

5. Now's the day, and now's the hour,
Близок день и час грядет
6. See the front o' battle lower!
Враг надменный у ворот.
7. See approach proud Edward's power —
Эдвард армию ведет —
8. Edward! Chains and slavery!
Цепи и оковы

Своеобразное построение строк Бернса нашло отражение в переводе.

В 5 строке сохраняются две синонимических сочетания. Правда, автор повторяет по-существу, одну и ту же фразу лишь с небольшой вариацией — „the hour“ — „the day“. Неизменно повторяющееся „now's“ Маршак переводит удачными синонимами — „близок“ — „грядет“, воссоздавая необходимую торжественность тона. Другие строки родственны по смыслу, они как бы дополняют, расшифровывают одна другую.

Так, 6 английская строка не получила точного отражения в переводе. Маршак изменил ее узкий контекст,

1) Ср. подстрочник:

Вас ждет кровавое ложе
Или славная победа!

сохранив лишь смысловую общность.¹⁾ Нередко переводчик обращается к синонимическим заменам.

Например, бернсовский эпитет „proud“ — „гордый“ (7) он переводит синонимом „надменный“, что вернее передает характеристику образа, хорошо соответствует общему национальному тону подлинника и отражает отношение самого автора к изображаемому.

Глагол „approach“ — приближается (7) заменен более кратким — „ведет“, позволяющим удовлетворить требования стиха. Значение английского глагола подсказало также сочетание — „у ворот“ (6).

„Slavery“ — рабство (8) нашло выражение в более конкретном образе — „оковы“. Логическая связь между строками не нарушена. Выпало повторное „Edward!“ в 8 строке, но мысль и без того ясна. Перевод отражает лаконичность и четкость бернсовских стихов.

Изменив несколько синтаксис строк, Маршак уничтожает анафору „See“ (видишь) в 6, 7 строках. Этого требовали условия стиха.

Третье четверостишие построено на вопросах и восклицаниях, что придает ему особую силу звучания:

III строфа

9. Who will be a traitor knave?
Тех, кто может бросить меч
10. Who can fill a coward's grave?
И рабом в могилу лечь,
11. Who sae base as be a slave?
Нужно во время отсечь.
12. Traitor! Coward! Turn ana flee!
Пусть уйдут из строя.

Перевод уничтожает вопросы и восклицания подлинника, чем ослабляет резкость стихов. Маршаку пришлось нарушить особенность поэтического синтаксиса, чтобы сохранить плавность стихотворной речи и рамки строк.

К снижению эмоциональности привело еще и то, что при переводе выпали образы, определяющие силу презрения автора к предателям: traitor (предатель); knave (плут, мошенник); coward (трус); base (низкий, подлый).

В общем интонация схвачена переводчиком верно. Гневные ноты, возмущение слышны в русских стихах, но они спокойнее бернсовских, слабее.²⁾

В связи с потерей вопросов исчезло анафорическое „Wha“ (кто).

В следующей строфе Маршак как бы подхватывает последнюю строку предыдущего четверостишия — „Пусть

1) Ср. подстрочник:

Видишь, как стучаются тучи сражения...

2) Ср. подстрочник:

Кто будет подлым предателем?
Кто может лечь в могилу трусом?
Кто так низок, чтобы стать рабом?
Предатель! Трус! Убирайся прочь!

уйдут из строя". Такая связь между строфами характерна для подлинника. В бернсовской 13 строке также будто подхватываются вопросы, повторяющиеся в III строфе:

IV строфа

13. Wha for Scotland's king and law Пусть останется в строю,
14. Freedom's sword will strongly draw, Кто за родину свою
15. Freeman stand, or freeman fa, Хотел жить иль пасть в бою
16. Caledonian! on wi' me! С мужеством героя!

В переводе смещены бернсовские стихи. 13 русская строка соответствует по смыслу 16. Английская же 13 строка заменяет 14, которую Маршак опускает без ущерба для общего содержания. Вместе с нею выпали лишь дополнительные детали, мысль сохранила свою ясность.¹⁾

Переводчик свободно обращается с текстом подлинника, но он не допускает переосмысления его. Текстуальные отклонения обычно оправдываются и не приводят к искажению основной идеи произведения.

Так, словосочетание "for Scotland's king and law" — за короля Шотландии и закон (13) заменено "за родину". Кажется это прямое отступление от оригинала; но контекст позволяет рассматривать эту замену как синонимическую. Здесь нет противоречия автору. Правда, призывы к борьбе за короля в устах Роберта Брюса более естественны. Но Маршак хочет подчеркнуть, что шотландский поэт воспринимал борьбу Брюса и Уоллеса как борьбу национальную за освобождение родины, против господства англичан.

Вот почему он и опускает такую замену.

В 15 строке выпало повторяющееся "Freeman" (свободным человеком). Однако введенное переводчиком дополнительно словосочетание "с мужеством героя" позволяет сохранить ясность мысли.

Следует все же отметить, что сочетание "за родину свою хочет жить..." не совсем удачно с точки зрения норм русского языка.

В переводе исчезло обращение — "Caledonian!" — каледонцы (16) и призыв — "On wi' me" — за мной (16) хотя сохранение его подсказало 13 русскую строку.

В общем мысль автора в переводе выражена четко, сохранилась логическая связь между строками. Стихи легки; ничто не тормозит их движения.

Отсутствует внешняя близость к подлиннику и в переводе последующих стихов, но все главное, характерное в бернсовских стихах схвачено верно.

¹⁾ Ср. подстрочник:

Поднимет смело меч за свободу...

V строфа

17. By oppressions woes and pains! Бой идет у наших стен
18. By your sons in servile chains! Ждет ли нас позорный плен?
19. We will drain our dearest veins, Лучше кровь из наших вен
20. But they shall—they shall be free! Отдадим народу.

Перевод отражает узкий контекст лишь одной английской строки—19, хотя и в нее Маршак вносит изменения. Он опускает подлежащее "we" (мы), выполняя требование русского словосочетания; выпал также эпитет "dearest" (самых дорогих). Сказуемое "will drain" (осушим) вполне точно переведено словосочетанием—"кровь отдадим".

Остальные стихи Бернса заменены другими строками. Изменился и синтаксис их. Переводчик уничтожает клятвы в 17, 18 строках, опускает связанную с ними 20 строку. Общий смысл английских стихов нашел отражение в русском тексте. Сохранились и основные образы подлинника: бернсовское "servile chains"—рабские цепи (18) подсказало русское—"позорный плен", "your sons"—ваши сыновья (18) ассоциируется с—"народу".

Мысль автора выражена в переводе предельно сжато, но ясно. Высокая эмоциональность подлинника не снижена.¹⁾

Усилительное повторение "they shall—they shall..." потеряно вместе с 20 строкой. Свободный перевод уничтожил анафору в 17—18 стихах.

Заключительные строки отличаются особой лаконичностью. Каждый стих—это боевой приказ:

VI строфа

21. Lay the proud usurpers low! Наша честь велит смести
22. Tyrants fall in every foe! угнетателей с пути
23. Liberty's in every blow! И в сраженьи обрести
24. Forward! Let us do or die! Смерть или свободу!

Многосложные русские слова не позволили сохранить полностью бернсовские строки, представляющие собой краткие самостоятельные предложения.

Русские стихи более растянуты, но все же Маршак хорошо пересоздал звучный ритм стихов подлинника, их четкость. Особенно удачной в этом отношении является замена "Let us do or die"—умрем иль победим (24) русским—"Смерть или свободу".

Синтаксис подлинника нарушен переводом. Не сохранилась повелительная форма приказов. Не отражен в русских стихах и узкий контекст оригинала, но поэтическое

¹⁾ Ср. подстрочник:

Клянемся горем и страданиями, которые принесло угнетение!
Клянемся сыновьями, которые стонут в рабских цепях!
Мы отдадим кровь из наших вен,
Но они будут,—они будут свободны!

содержание его передано очень верно. В переводе звучит со всей силой призыв к борьбе за свободу.¹⁾

Замечания, сделанные по поводу перевода отдельных мест стихотворения Бернса, не снижают художественной ценности целого. Действительно, перевод лишен текстуальной близости к подлиннику. Маршак часто не только вносит изменения в узкий контекст бернсовских стихов, но заменяет их своими строками. Но, создавая свои стихи, переводчик исходит из идейной направленности подлинника, учитывает мысль и образы автора. Русские стихи передают не только основное содержание, но и настроения оригинала: торжественность, грозные раскаты битвы, гнев, презрение и т. д.

Очень часто Маршак прибегает к синонимическим заменам, чтобы полнее раскрыть смысловые оттенки подлинника (slaverie—оковы; stand—жить; will drain the veins—отдадим кровь; do or die—смерть или свободу!) Синонимы Маршака всегда точны, равноценны. Однако не совсем желательной является замена "for Scotland's king and law" на "за родину" (13). Правда здесь нет прямого искажения, нет противоречия идее подлинника. Бернсу не были свойственны монархические настроения, но одно время он обольщал себя иллюзиями в отношении Стюартов. Они для него были символом независимости родины. Тем более понятен призыв борьбы за короля в устах Роберта Брюса—короля Шотландии.

Соблюдая условия стиха, переводчик иногда сжимает контекст. При этом часто выпадают некоторые детали, не играющие роли для целого (dearest) (19); forward (24) see (6, 4) и т. д.) Бывает, что переводчик опускает даже целые строки, но их общий смысл учитывается в русском контексте (14, 20).

И, наоборот, ясность, четкость мысли иногда требует введения в текст подлинника дополнительных деталей (15, 19), и др. Следует, однако, отметить, что пропуск эмоционально-окрашенных образов в третьей строфе несколько снижает резкость, остроту стихов.

Основной чертой, определяющей индивидуальный стиль данного произведений, является лаконизм. Исключительная четкость стихов Бернса. Они звучны и метки, как боевая команда. Маршаку удается сохранить эту особенность художественного стиля подлинника, но все же преобладание

1) Ср. подстроичик:

Бей надменных захватчиков!
В каждом враге погибает тиран!
В каждом ударе—свобода!
Вперед! Победим или умрем!

многосложных слов в русском языке иногда не позволяет пересоздать краткие меткие фразы Бернса. (9,—12; 20—24).

Разбивка строк в переводе так удачна, что стихи сохраняют свою легкость, законченность, необходимую звучность. Высокую эмоциональность подлинника определяют риторические вопросы, обращения и многочисленные восклицания.

В общем переводчик пересоздает повышенную торжественность тона, характерную для подлинника но все же утрата острых обвиняющих вопросов в девятой-одиннадцатой строках, потеря восклицаний и обращений (11, 16, 21), уничтожение клятвы (17—18) несколько ослабляют бернсовские стихи. Часто теряются анафорические повторы (6—7; 9—11; 17—18).

Особенности формы оригинала получили верное отражение в переводе. Построение русских стихов хорошо передает ритм подлинника. Маршак сохраняет четырехстопный ямб бернсовских строк с анакрузой в первой строке. Некоторые отклонения наблюдаются в последней строке четверостишия. Ее переводчик сократил на одну стопу, вводя здесь женское окончание. Не совсем точно выдержана рифма. И Бернс и Маршак рифмуют три первые стиха в строфе. Но в подлиннике все четвертые строки объединяются единой рифмой: victorie—slaverie—flee—me—free—die. Перевод же объединяет четвертые строки попарно, нарушая общую рифму: готовы—оковы; строя—героя; наруду свободу.

Частности потеряны при переводе, но общая характеристика произведения передана хорошо. Перевод Маршака дает верное представление об индивидуальном своеобразии оригинала.

Продолжая работать над Бернсом, Маршак открывает нам новые стороны его таланта. Если в первых переводах Маршака мы встречаемся по преимуществу с Бернсом—лириком, то в более поздних переводах мы гораздо полнее знакомимся с сатирическим даром поэта. В ранних русских переводах из Бернса сатира его почти не затронута. Читатели были известны кантата "The Jolly Beggars" (Веселые нищие¹⁾), песни которой насыщены сарказмом и бунтарским духом²⁾, поэма "The Two Dogs" ("Две собаки"), обличающая знатных вельмож³⁾ и поэма пародийного характера "Tam o' Shanter" ("Тэм о' Шентер").³⁾

Позже, уже в советский период, эти же произведения

1) См. "Веселые нищие" (Кантата), перевод П. Вейнберга в ж. "Отечественные записки", 1868 г. т. 6, отд. 1.

2) См. "Две собаки", перевод Д. Минаева, ж. "Дело", 1870 г. № 1

3) См. "Тэм О' Шентер", перевод В. Костомарова, в сборнике Гербель Н. К. "Английские поэты в биографиях и образцах". СПб, 1957.

вышли в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник. Указанный список переводчица пополнила одной из самых острых сатирических поэм Бернса "Holy Willie's Prayer" ("Молитва святого Вилли").¹⁾

Сатирическая линия шотландского поэта получила наиболее сильное звучание в переводах С. Маршака. Он ставил читателю самым разнообразным сатирическим приемам, которыми пользовался Бернс. Здесь и пародия ("Tam O' Shanter") и аллегорическая сказка ("The Two Dogs"), и острые эпиграммы. Но наиболее Бернс поражает врага своей иронией. Она обнажает противоречия жизни, она глубоко реалистична и скрывает за лицемерной поверхностью грязную действительность. (Элегия на смерть Пэг Никольсон, лошади священника", "Молитва святого Вилли", "Надпись на официальной бумаге", "Сон", и др.)

Маршак сумел отразить в своих стихах всю резкость, остроту бернсовской сатиры. Интересно рассмотреть в этом отношении перевод поэмы "Holy Willie's Prayer" ("Молитва святого Вилли"). О ней еще Вальтер Скотт сказал, что "Молитва святого Вилли" является наиболее резким из всех сатирических произведений, которые Бернс написал".²⁾

Сатирическая поэма "Holy Willie's Prayer" ("Молитва святого Вилли") направлена против определенного лица — старшины приходского совета и члена церковного суда Вильяма Фишера. Но значение поэмы шире. В ней Бернс затрагивает основы религии, подвергая едкой насмешке проповедников церкви и само учение Кальвина. Лицемерие и ханжество избранных слуг господ бога представлены автором во всей наготе. Поэма вызвала бурю негодования среди церковнослужителей. Бернс пишет в своем дневнике:

Затем появилась "Молитва святого Вилли" и встретила церковнослужителей так, что они не раз собирались, чтобы проверить свою духовную артиллерию, с целью направить ее против богохульных стихов.³⁾

Язык поэмы выдержан в стиле проповедей, но сколько иронии скрыто в самой набожности. Бог, всемогущество, которого славят Вилли, шлет одних в рай, а других в ад не за какое-то добро или грехи, а просто "ради своего удовольствия и славы". Его избранные (a chosen sample; servant) представляются лицемерами и развратниками. Обращенные к богу речи Вилли проникнуты элейностью и свидетельствуют о корыстолюбии. Он лишь тогда соглашается

¹⁾ См. "Роберт Бернс". Избранная лирика, перевод с английского Т. Л. Щепкиной-Куперник. ГИХЛ, М., 1936, стр. 122.

²⁾ Цит. по сборнику "The Poetical Works of Robert Burns Illustrated". Chandos Poets, p. 469.

³⁾ К. Henderson, Burns By Himself, Lnd, 1938, p. 51.

служить и славить бога, если тот разобьет его врагов и даст ему духовное и материальное превосходство над всеми.

Буржуазная критика обрушилась на эту сатиру шотландского поэта. Журнал "The Aug Advertiser" от 16 марта 1809 г. поместил критическую статью, в которой обвиняет Бернса в атеизме именно потому, что он выступает не только против лицемерия Вилли Фишера, но против религии вообще:

В этом произведении грубое богохульство в изображении портрета лицемера не более оскорбительно, чем злорадная, дерзкая насмешка в трагедии самых священных пунктов христианского учения.

Хочется верить, что шотландцы, которые известны своей глубокой религиозностью, воспримут эту сатиру (какой бы остроумной она ни была) не иначе, как открытое проявление атеизма.¹⁾

Перевод С. Я. Маршака воспроизводит содержание поэмы, сохранив ее стилистические особенности и строфику. Переводчик подчиняет все средства родного языка воссозданию злой иронии бернсовских стихов.

С текстом оригинала Маршак обращается, пожалуй, даже свободнее обычного, но ни разу мы не можем упрекнуть его в переводческом произволе, в нарушении индивидуального своеобразия подлинника. Он смело отступает от букввы, где это нужно, чтобы яснее вскрыть идейный замысел автора. Так уже в заголовке поэмы встречаются разночтения. В отличие от предыдущего перевода, выполненного Т. Л. Щепкиной Куперник, Маршак переводит "holy" не — "святого" а — "святоши", что как будто совершенно противоречит значению английского слова.²⁾ Но переводчик умышленно допустил эту замену, верно раскрывая образ ханжи, выведенный Бернсом. Синонимические замены, к которым часто прибегает советский переводчик, метко и верно выражают мысль автора, позволяя в то же время сохранить особенности стиха. Сравните, к примеру II строфу поэмы:

I bless and praise thy matchless might,
When thousands has left in night,
That I am here, afore thy sight
For gift an' grace,
A burnin' an' a shinin, light
To a' this place.

Ты столько душ во тьме оставил,
Меня же, грешного, избавил.
Чтоб я твою премудрость славил
И мощь твою.
Ты маяком меня поставил
В родном краю

Переводчик заменяет отдельные детали текста, чтобы сохранить плавность стихотворной речи. Он вводит синонимы: thousands (тысячи) — "столько душ", in night — "во тьме";

¹⁾ Цит. по Craigie, W. A., A Primer of Burns, Lnd, 1896 pp. 67—68.

²⁾ Ср. переводные словари,

to a' this place (во всей округе)—в „родном краю“. Некоторые русские синонимы передают смысловую нагрузку нескольких английских слов. Так глагол „славил“ вполне соответствует сочетанию синонимов „bless and praise“ (благодарить и восхвалять); одно слово „маяк“ точно передает смысл английского—„A burnin' an' a shinin' light“ (горящий и сверкающий факел; своточ).

При выборе синонимов переводчик исходит из внутреннего смысла оригинала, потому он и не искажает образов Бернса. Бывает что Маршак создает другой текст, заменяет бернсовские стихи своими строками. Такие замены часто встречаются и в других переводах и нередко приводят к искажению общего рисунка автора. Этого нельзя сказать о переводе Маршака. Он руководствуется в данном случае идейной направленностью оригинального произведения и никогда не нарушает смысловой общности между строками.

Посмотрите, например, как изменился в переводе кон- текст III строфы:

What was I, or my generation,
That I should get sic exaltation?
I wha deserve sic just demnation
For broken laws
Five thousand years' fore my creation,
Through Adam's cause.

Щедрот подобных ожидать я
Не мог, как и мои собратья.
Мы все отмечены печатью
Шесть тысяч лет—
С тех пор, как заслужил проклятье
Наш грешный род.

Маршак сохранил лишь решающие по смыслу образы Бернса. Именно на них он и ориентируется, Русские слова он подбирает, исходя из ассоциаций, вызываемых этими образами. Так, „my generation“ (мой род; мое поколение) переведено синонимичным—„мои собратья“. Словосочетание „get sic exaltation“ (получить такое возвышение) перевед- чик заменяет другим—„ожидать подобных щедрот“. Мысль автора от этого не изменилась. „He мог“, по существу, яв- ляется обратным переводом английского вопроса. „Adam“ передано русским „род“. Содержание последней строки и значение словосочетания „for broken laws“ (за нарушение законов) подсказали Маршаку эпитет—„грешный“.

Несмотря на отсутствие внешней точности, перевод обладает несомненной поэтической верностью подлиннику.

Чтобы сохранить главное в индивидуальной характе- ристике того или другого отрывка подлинника, Маршак час- то вынужден жертвовать отдельными деталями; а то и стро- ками. Так, он опускает некоторые стихи в VI, VII, VIII и других строфах. Потери отдельных частей, однако, не нарушают целого, наоборот, позволяют сохранить легкость стихов и ясность мысли.

Возьмите VI строфу:

O L-d! thou kens what zeal I bear,
When drinkers drink, and swearers
And singing there, and dancing here,
Wi' great and sma';
For I am keepit by thy fear,
Free frae them a'.
Изобличаю я сурово
Ругателя и сквернословия,
И потрешителя хмельного,
И молодежь,
Что в праздник в пляс пойти готова,
Подняв галдеж.

В переводе передан лишь общий смысл первой строки. Узкий контекст ее не сохранился. Обращение—„O L-d!“ („О, Боже!) выпало. Не отражены в русской строфе и два последних бернсовских стиха. И все же, несмотря на эти пропуски дополнительных деталей, основное содержание строфы раскрыто в переводе полностью.

Стремясь к четкой ясности мысли, Маршак вводит в текст свои дополнительные детали, которые всегда подчи- нены общему контексту и не противоречат подлиннику— „любезных чад“ в I строфе; „огня и серы“ в V строфе; „в праздник“, „подняв галдеж“ в VI строфе, а также некото- рые строки в VIII, XI, XV и других строфах.

Некоторые образы певодчик переносит из других произ- ведений шотландского поэта, где они встречаются в сход- ном контексте. Сравните следующие стихи из IV строфы:
When frae my mither's womb I fell,
You might ha'e plunged me into hell,
To gnash my gums, to weep and wail,
In burnin' lake,
Я твоего достоин гнева
Со дня, когда покинул чрево.
Ты мог меня послать налево,
В кромешный ад...

Выражение „налево“ отсутствует в подлиннике. Однако оно не является отсебятиной переводчика, Маршак перене- с его из другого стихотворения Бернса, удачно подметив сход- ство контекста и интонации:

Here Holy Willie's sair—warn clay
Tak's up its last abode;
His saul has ta'en some other way—
I fear the left-hand road.

(„Epitaph on Holy Willie“).¹⁾

Внешне значительные отклонения от текста оригинала не обедняют образной нагрузки бернсовских стихов. Если теряются яркие подробности рисунка автора в одних стро- ках, то Маршак компенсирует эту потерю позже, вводя дополнительно свои образные детали. Сравните описание ада в IV строфе:

When frae my mither's womb I fell,
You might ha'e plunged me into hell,
To gnash my gums, to weep and wail,
In burnin' lake,
Where damned devils roar and yell,
Chained to a stake.

Я твоего достоин гнева
Со дня, когда покинул чрево,
Ты мог послать меня налево,
В кромешный ад,
Где нет из огненного зева
Пути назад.

1) Святого Вилли жалкий прах
Покойся в могиле.
Но дух его не в небесах.
Пошел „налево“ Вилли
(Перевод С. Маршака).

При переводе выпущен целый ряд деталей рисунка. Маршак заменяет их эпитетом — «кромешный».¹⁾ Такая замена конечно, не является равноценной. Но в последующей строфе переводчик дополняет описание своими деталями — «избежал огня и серы».

Самое основное в художественной характеристике подлинника умело перенесено в русские стихи. Маршак сохранил наиболее характерный для бернсовского рисунка образ — «burnin' lake» (горящее, пылающее озеро), которому хорошо соответствует в переводе — «огненный зев». Русский образ не менее поэтичен и вызывает у читателя те же ассоциации, что и бернсовский.

Художественно-стилистическое своеобразие поэмы составляет ее язык, создающий впечатление молитвы, повести. Перевод верно отражает эти особенности стиля подлинника. Насыщая стихи выражениями, характерными для речи духовенства — «любезных чад», «покинул чрево», «мечтал дерзновенно», «спаси нас и помилуй», «Рассыпь во прах»; «в сонм блаженных» и т. д. Приподнятость, торжественность тона молитвы, созданная архаическими оборотами речи, иногда сменяется простыми, разговорными интонациями. Когда Вилли говорит о своих «прогрешеньях» или характеризует своих врагов, он обращается к народному языку.

Эти переходы от повышенного стиля к простому тону пересозданы Маршаком так же удачно. Он вводит в текст просторечные выражения, соответствующие духу оригинала — «как говоритесь», «был под хмельком», «смеялся в лежку», «речистый малый»; «начни с него пожалуй»; «в жар и холод нас бросало»; «Вгояло в пот» и т. д.

Повторяющиеся бернсовские обращения в основном сохранились в русских стихах и способствуют воссозданию эмоциональности подлинника.

Что касается формы произведения, то Маршак точно воспроизвел шестистроичную строфу Бернса, выдержав, как это ни сложно, оригинальную четверную рифму. В строфе чередуется четырехстопный и двухстопный ямб. Строки сохранили свою четкость, легкость.

Несомненно, перевод С. Маршака может считаться большой удачей, т. к. он вскрыл перед русским читателем идейную направленность поэмы Бернса, выделив ее сатирическую суть. Переводчик сохранил живой образ героя,

1) Ср. подстрочник:

Чтобы скрежетал зубами. плакал и причитал,

В пылающем озере,

Где орут и зовят проклятые черти,

Прикованные к столбу.

воссоздав иронический тон, преобладающий в стихах шотландского поэта.

Не менее правдив и перевод другой сатирической поэмы Бернса — «A Dream» («Сон»), которая не была известна русскому читателю до Маршака. В этом произведении обличение правящих классов Англии достигает особой силы. Сатирический бич Бернса обрушивается здесь на придворную знать и не щадит самого короля. За это поэта осуждают буржуазная критика. Так, характеризую поэму «A Dream» («Сон») David Daiches пишет в своих исследованиях:

«Эта поэма вызвала возмущение у некоторых благородных друзей Бернса. В ней проявились якобитские настроения поэта.

Он искусно использовал здесь ту же строфу, что и в «Благочестивой ярмарке».

Поэт увидел во сне, будто он присутствует на празднестве в честь дня рождения короля (в июне 1786 г.) и читает приветствие.

Сочетание слержанного уважения с советами дядюшки в обращении к королю неудачно, и поэтому поэму «Сон» нельзя отнести к лучшим произведениям Бернса. Поэт не сумел должным образом выразить свое отношение к королю; порой в его стихах слышится вульгарная фамильярность, которая была бы оскорбительна даже в обращении к собрату фермеру».¹⁾

Бернс умышленно называет свое произведение сном, чтобы предостеречь нападки цензуры. Об этом говорит эпиграф к поэме.

Переводчик точно воспроизводит эпиграф и прозаическое предисловие автора к поэме:

«За речи, мысли и дела карает нас закон»,

Но не карает никого за вольнодумный сон».

Прочитав в газетах оду поэта — королевского лауреата И описание торжественного приема во дворце по случаю дня рождения короля 4 июня 1786 г., автор заснул и увидел во сне, будто он присутствует на этом приеме и читает преевствие».

Торжественность тона, официальность обращения сочтена в оригинале с удивительной простотой.

С возмущением осуждая подхалимов и знатных льстецов, гордый поэт не хочет продавать свою совесть за «пенсии». Он не желает раболепствовать даже перед королем. Нередко дружеские советы переходят в прямое обвинение короля и его министров. Это чувство независимости, обличительную струю бернсовских стихов, едкость сатиры удачно отражает перевод Маршака:

1) David Daiches, Robert Burns, H. Y., 1950. p. 144.

For me! before a monarch's face,
Ev'n there I winna flatter;
For neither pension, post, nor place
Am I your humble debtor;
или:

Buio faith! I muckle doubt, my Sire;
Ye've trusted ministration
To chaps, wha, in a barn or byre
Wad better fill their station
Than courts yon day.

Народная мудрость слышится в некоторых строках:

Tis very true my sov'reign king,
My skill may weel be doubted;
But facts are chieft that winna ding
An' downa be disputed;
Она всегда сурова.

Стихи написаны чистым литературным языком, но лишены всякой высокопарности, условной поэтичности. Хорошо передан в переводе ритмический рисунок подлинника.

Маршак точно воспроизвел восьмистрочную строфу Бернса с оригинальной повторяющейся концовкой. Как и автор, переводчик объединяет восемь основных строк только двумя рифмами. Пересоздано чередование мужских и женских окончаний.

Особый интерес представляют переводы бернсовских эпиграмм и экспромтов. Никто из русских поэтов, переводивших Бернса до Маршака, не обращался к эпиграммам народного поэта Шотландии. Русский читатель познакомился с этими маленькими шедеврами только в переводах советского поэта. В переводах С. Маршака представлено около пяти десятков острот, насмешливых бернсовских эпиграмм, бичующих глупость, зазнайство, не щадящих даже представителей правящих кругов.

В переводе эпиграмм задача заключается в передаче их легкости, остроты. Эту задачу Маршак выполнил великолепно. Рассмотрим несколько примеров.

Эпиграмма „The Ratson's Look“ („К портрету духовного лица“) полностью сохранила свою индивидуальную характеристику в русском переводе:

1. That there is falsehood in his looks Нет, у него не лживый взгляд,
I must and will deny; Его глаза не лгут.
3. They say their master is a knave Они правдиво говорят,
4. And sure they do not lie. Что их владеец плут.

Стихи Маршака даже внешне удивительно близки к подлиннику. Текстуальные отклонения в них очень незначительны. 2 английская строка удачно передана русскими краткими отрицаниями, что позволило сохранить гибкость стихов.¹⁾

¹⁾ Ср. подстрочник:
Я должен и буду отрицать.

В переводе смещена 4 строка, но это сделано в интересах подлинника, для большей ясности мысли. В 1, 2, 3 строках Маршак повторяет синонимические сочетания, но у Бернса 1, 2, 4 стихи тоже сходны, родственны по содержанию.

Тройное повторение подчеркивает неожиданность развязки, выделяет само острое эпиграммы. Переводчик выдержал ритмическое движение английских стихов. Они отличаются легкостью и меткостью. Правда, автор рифмует через строку (2—4), Маршак же пользуется перекрестной рифмой.

Не менее резкая насмешка звучит и в другой эпиграмме — „To Some People Who Were Boasting of Their Grand Acquaintances“ („Поклоннику знати“). Перевод ее далек от буквальной точности подлинника, но сама суть, „соль“ бернсовской остроты схвачена хорошо:

1. No more of your titled acquaintances У него герцога знакомая,
boast! Пообедал он с графом на-днях...
2. And in what lordly circles you've been;
3. An insect is still but an insect at most, Но осталось собой насекомое,
4. Though it crawl on the head of a queen! Побывав в королевских кудрях!

Первые две строки, которые являются как бы вступительными и подготавливают саму концовку, переводчик заменил другими стихами. Однако при этом соблюдается смысловая верность подлиннику.¹⁾ Эта замена позволила выполнить условия стиха, мысль же автора не нарушена.

Последние определяющие стихи получили полное отражение в переводе. Правда и здесь мы сталкиваемся с различиями, но они очень невелики. Маршак пользуется синонимическими заменами. Так, глагол „crawl“ — ползать (4) заменен на „бывав“; „on the head“ — на голове (4) переведено синонимом „в кудрях“. Словосочетание „of a queen“ — королевских (4) передано соответствующим прилагательным — „королевских“. Ради сохранения рамок стиха и плавности стихотворной речи Маршак жертвует повторением в 3 строке и усилением — „at most“ (не больше).

Наблюдаются некоторые синтаксические отклонения от подлинника. Переводчик превращает придаточное предложение в 4 строке в дееспричастный оборот. Контекст сжат, но логическая связь между строками не нарушена.

Инверсия в 3 русской строке помогает выделить оснóвные по смыслу детали. Ритмический рисунок подлинника несколько нарушен, т. к. Маршак пользуется анапестом, а не амфибрахием, как Бернс.

¹⁾ Ср. подстрочник:
Не хвастай своими знатыми знакомыми;
Или что принят ты в высших кругах.

В общем русские стихи звучны и остры, как и бернсовские.

И в других эпиграммах шотландского поэта Маршак искусно передал остроту неожиданных сатирических сопоставлений, которые на первый взгляд кажутся вообще непередаваемыми на другой язык („Книжный червь“, „Надпись на официальной бумаге“, „Ярлычок на карету знатной дамы“, „Ответ верноподданному уроженцу Шотландии“ и др.)

Особое место в творчестве Бернса занимают послания. Русский читатель узнал их также только благодаря переводам С. Я. Маршака. Эти замечательные письма в стихах поражают своей звучностью, исключительной плавностью стихотворной речи. Они являются свидетельством поэтического мастерства Бернса.

Нам известно три послания поэта в переводе С. Маршака — „Epistle to Davie, a brother Poet“ (Послание к брату—поэту), „Epistle to James Smith“ („Послание к другу“) и „To the Guidwife of Wauchhope House“ („Послание“).

Особой поэтической близостью к подлиннику отличается перевод „Epistle to Davie, a brother Poet“ („Послание к брату—поэту“) Маршак воссоздал здесь все своеобразие бернсовской десятистрочечной строфы с ее концовкой. Нельзя не восхищаться легкостью и мелодичностью стихов, игрой ритма, четкостью ритма. Сравните первую строфу: While winds frae Ben Lemon blaw And bar the doors wi' driving snaw, And hing us owre the ingle, I set me down to pass the time, And spin a verse or twa o' rhyme In hamely westlin' jingle, While frosty winds blaw in the drift, Ben to the chimla lug. I grudge a wee the great folks gift, That live sae bien and snug: I tent less, and want less Their roomy fireside; But hanker and canker, To see their cursed pride.

Пусть вьюга в щели будет дуть
И громоздить сугробы,
Я не завидую ничуть
Вам, знатные особы,
Ни дому
Ни жару очагов
Ни проклятью
Послать я
Вам, гордецы, готов.

Та же десятистрочечная строфа воспроизведена и в другом послании „To the Guidwife of Wauchhope House“ („Послание“).

Здесь переводчик допускает большевольностей при переводе текста. Многие строчки теряют внешнее сходство с подлинником, но перевод очень хорошо передает чувства, характерные для автора „Честной бедности“ — презрение к деньгам, гордую независимость, глубокую любовь у родине.

В „Epistle to James Smith“ („Послание к другу“) Бернс пользуется шестистрочечной строфой, особенностями которой

также искусно отразил С. Маршак. Свободный перевод не снижает эмоциональности оригинальных стихов, удачно передает задумчивость тона бернсовских строк, не смягчает обличительную струну подлинника.

Таким образом, переводы С. Маршака охватывают все периоды творческой деятельности великого народного поэта Шотландии. Они знакомят русского читателя и с ранними стихотворениями Бернса, проникнутыми грустью и разочарованием („К полевой мыши“, „К горной маргаритке“), и с жизнерадостной лирикой, блестящей живыми красками, воспевающей честность и гордую независимость простых людей, и с обличительными, сатирическими произведениями, вскрывающими язвы буржуазного общества.

Поэзия Бернса получила не только наиболее полное, но и наиболее верное отражение в переводах С. Маршака. Он раскрыл нам подлинно народный, демократический характер творчества поэта. Советский переводчик заново перевел ряд произведений Бернса, которые были известны русскому читателю по переводам поэтов прошлого.

В чем же превосходство этих новых переводов из Бернса, выполненных С. Маршаком?

Первое—это то, что революционное содержание стихотворений народного шотландского поэта вскрыто в них со всей полнотой. В переводах С. Маршака нет вольных и невольных смягчений и вымыслов, которые в прежних переводах встречались довольно часто и фальсифицировали облик народного поэта.

Далее. Переводы Маршака отличаются исключительным ритмическим соответствием оригиналу, чего нельзя сказать о переводах дореволюционной эпохи. Звучание стихов Бернса, их музыка очень хорошо воссозданы советским переводчиком.

Достоинство переводов Маршала заключается также в их реализме.

Буржуазные критики не раз упрекали Бернса в вульгарности, непоэтичности его языка. Буржуазные переводчики, приспособляя поэзию Бернса для высших кругов, стремились очистить ее от всех этих, по их мнению „грубостей“. Они тем самым вытравляли из бернсовской речи многие элементы его реализма.

Маршак же не смягчает нарочитую грубоватость живого языка народных шотландских песен. Он бережно передает свежесть смелых сравнений и выразительность речевых оборотов.

Прежние переводчики нередко придавали народным песням Бернса салонно-романсовый стиль.

Советский переводчик выдерживает народный, фольклорный „дух“ оригинальных произведений. Даже там, где

он позволяет себе довольно значительные отступления от текста, он ближе к поэтической сущности подлинника, чем педантически точные переводчики.

Маршак бережно сохраняет национальный колорит бернсовских народных песен. Он не буквально но равноценно, творчески воспроизводит целое, не нарушая единства идеи, образа и необходимой для их выражения формы.

х При анализе переводов использованы словари:

1. A Complete Concordance To the Poems and Songs of Robert Burns, by Reid, Glasgow, 1889.
2. New Practical Standard Dictionary of the English Language by Funk and Wagnalls, vol. I, II, N. Y., 1947.

Стихотворения Бернса взяты из сборника:

The Poetical Works of Robert Burns, Illustrated, Chandos Poets, F. Warke And Co.

Для исследования выбраны переводы из сборника "Роберт Бернс" в переводах С. Маршака "ГИХЛ, М., 1957.

А. Р. ВОЛКОВ

"СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ"
А. С. ПУШКИНА И СКАЗКА А. Ю. ГЛИНСКОГО
"O STARUSZKU I STARUSZCE I O ZIOTEJ RYBCE"

В 1853 г. в Вильне был издан сборник "Bajarz polski" ("Польский сказочник"), составленный А. Глинским¹⁾. Исследователи рассматривали сборник обычно как польскую переработку западно-белорусских народных сказок, записанных А. Ю. Глинским в Новогрудском уезде Минской губернии. Так, В Сырокомля писал: "Наш совет, чтобы автор прежде всего рассматривал свои сказки как артистическое произведение искусства... Автор не записывал их из уст народа, но вспоминал, одевал в свои цвета, словом воссоздавал".

Между тем некоторые сказки напоминают сказки А. С. Пушкина, В. А. Жуковского. В. И. Дала, П. П. Ершова. На близость сказки "О старичке и старушке и золотой рыбке" к пушкинской "Сказке о рыбаке и рыбке" несколько указывали Ю. Поливка и Н. П. Андреев.²⁾ Специально изучал литературные источники Ю. Кшижановский.³⁾ Настоящая статья имеет целью выяснить степень близости сказки А. Ю. Глинского к сказке А. С. Пушкина. Показать на этом примере, как пушкинское творчество воспринималось польской демократической литературой середины XIX в.

¹⁾ См. А. Р. Волков. А. Ю. Глинский и его сборник "Польский сказочник" (к 100-летию выхода в свет). Ученые записки ЧГУ, т. XIV, вып. 2, 1955, 167—194.

²⁾ J. Bolte und J. Polivka, Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm, I. B., Leipzig, 1913, 146.

Н. П. Андреев. Пушкин и народное творчество. Ученые записки Ленинградского пединститута им. Герцена. т. XIV, 1938, 61

³⁾ Julian Krzyżanowski. "Bajarz polski Glinńskiego i jego źródła literackie. Nadbitka ze sprawozdań Towarzystwa Naukowego, Rok XLIII, Warszawa, 1949.